

Н. БУХАРИН

**О МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
НАШЕЙ СТРАНЕ,
КУЛЬТУРЕ И ПРОЧЕМ**

(Ответ академику И. Павлову)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД

1924

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 40731 г.

Академик И. Павлов — один из крупнейших русских ученых. Он имеет мировое имя. Он создал целое направление, целую школу в области физиологии. Крупнейшие его заслуги перед человечеством несомненны. В особенности несомненны они для нас, марксистов. Ибо объективно выходит так, что акад. Павлов, который политически, повидимому, страшно далек от рабочего класса, работает, в первую очередь, на рабочий класс. Его учение об условных рефлексах целиком льет воду на мельницу материализма ¹⁾. И исходные мето-

¹⁾ Автору этих строк, излагавшему диалектику материализма с точки зрения равновесия, в особенности приятно отметить следующие положения академика И. Павлова: «Что собственно есть факт приспособления? — Ничего... кроме точной связи элементов сложной системы между собой и всего их комплекса с окружающей обстановкой. Но это ведь совершенно то же самое, что можно видеть в любом мертвом теле. Возьмем сложное химическое тело. Это тело может существовать, как таковое, лишь благодаря уравниванию отдельных атомов и групп их между собою и всего их комплекса с окружающими условиями. Совершенно так же грандиозная сложность высших, как и низших организмов, остается существовать, как целое, только до тех пор, пока все ее составляющее тонко и точно связано, уравновешено между собою и с окружающими условиями. Анализ уравнивания системы и составляет первейшую задачу и цель физиологического исследования». Академик И. Павлов. «20-летний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных», стр. 14—15. См. нашу «Теорию исторического материализма».

дологические пути и результаты исследований академика Павлова суть орудия из железного инвентаря материалистической идеологии. А материализм сейчас, в нашу эпоху, есть, в общем, мировоззрение пролетариата. Здесь не место объяснять, почему это произошло. Мы констатируем лишь этот факт. В то время как буржуазия, преисполненная скепсиса, все больше поднимает свои очи к небу, и философский идеализм расплывается, подобно масляному пятну, по всей поверхности буржуазного сознания, аналогичный процесс переживает и вся буржуазная наука в целом. Мистицизм и здесь свивает свое прочное гнездо. Невитализм, критика дарвинизма, телеология, абсолютный релятивизм, чистый логизм и всякие прочие «измы» самого скверного пошиба быстро распространяются и в среде естествоиспытателей. Если у нас «ученый батюшка», отец Флоренский, пытался доказать бытие божие при помощи математических формул и астрономических вычислений, то подобные явления носят характер настоящей эпидемии в западно-европейской науке. Эта наука чрезвычайно приблизилась теперь к позиции какого-нибудь Мережковского, который копается в ассириологии, чтобы вывести «большие циклы» апокалиптического календаря, предсказывать гибель мира и, вместе с г. Бердяевым, иметь, как выражался Ницше, — «маленькое удовольствийце на день и маленькое удовольствийце на ночь», квалифицируя большевистскую революцию, как пришествие «Зверя», а советский режим, как «сатанократию». Мистицизм или, в лучшем случае, старческий скепсис с постоянным рефреном насчет бренности всего земного, — таковы основные черты современной западно-европейской научной мысли. Вполне понятно поэтому то уважение, которое в нашей марксистской среде имеет и будет иметь

всякий ученый, который мужественно выступает против мутного мистического потока. Повторяем: такой ученый, независимо от его субъективных намерений, работает для того же дела, для которого работаем и мы, революционные марксисты. А именно к таким ученым и принадлежит академик Павлов.

Однако, и на солнце есть пятна. И эти пятна принимают весьма и весьма почтенную величину, как только такие специалисты естественных наук, как академик Павлов, берутся за дело, которого они — пусть простит меня автор теории условных рефлексов — просто не знают. А как раз это и произошло с академиком Павловым, взявшимся в своей вводной лекции за критику марксизма, нашей партии в частности и в особенности — за критику пишущего эти строки.

Академик Павлов протестует против разрушения культурных и научных ценностей невежественными коммунистами. «Не берись за то, чего не понимаешь», — вот основная «мораль» нашего критика. Мы об этом будем говорить ниже. Но все же мы уже сейчас заметим, что и общественная наука есть наука. Ее нужно знать. А вот этого-то знания и нет у академика Павлова. Оттого он и впадает в такие наивности касательно общественных вопросов, каким, например, была бы в естественных науках защита линнеевской точки зрения или какой-нибудь флогистонной теории.

1. ФИЛОСОФИЯ НАУЧНОЙ СВОБОДЫ И ТЕОРИЯ АКАДЕМИКА ПАВЛОВА.

Самое общее соображение, которое академик Павлов выдвигает против нас, есть соображение о догматическом характере марксизма. «Догматизм марксизма или коммунистической партии... есть чистый догматизм, потому что они (коммунисты. *Н. Б.*) решили, что это — истина; они больше ничего знать не хотят (они. *Н. Б.*), постоянно бьют в одну точку» ¹⁾.

Между тем, «наука и догматизм — совершенно несовместимые вещи. Наука и свободная критика — вот, синонимы; а догматизм — это не выходит... Сколько было крепких истин? Возьмите, например, неделимость атома. И вот прошли года, и ничего от этого не осталось. И наука вся переполнена этими примерами».

Отсюда академик Павлов, обращаясь к слушателям, дает им соответствующую директиву:

«И если вы, — говорит он, — к науке будете относиться, как следует, если вы с ней познакомитесь основательно, тогда, несмотря на то, что вы — коммунисты, «рабфаки» и т. д., вы признаете, тем не менее, что марксизм и коммунизм это вовсе не абсолютная истина, это — одна из теорий, в которой, может быть,

¹⁾ Перед нами — стенограмма лекции академика Павлова, повидимому, не исправленная. Поэтому мы позволяем себе вставлять в скобках стилистически необходимые слова, которые, само собой разумеется, ни в коей мере не нарушают смысла.

есть часть правды, а может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной».

Этим призывом к свободе и заканчивается «общественная» лекция физиолога Павлова, который не хочет как он выражается, быть «ученым сухарем».

Рассмотрим это, наиболее абстрактное, почти «философское» положение академика Павлова.

Прежде всего, что значит смотреть со «свободной», а не «закабаленной» точки зрения? Мы не должны наивничать. Мы знаем, какие фокусы-покусы проделывают со словом «свобода» в области политики. Но ведь и в научной и даже философской области существует такая же игра. Ведь протестуют же гг. Бердяевы, Мережковские и прочие против «цепей разума». Ведь всем известен тот факт, что самые разнообразные мистические школы рассматривают законы природы, как кабалу, а рациональное познание, в противоположность интуиции, как работу каторжника, от которого несет потом; ведь договорились же некоторые из них (например, Булгаков в «Философии хозяйства») до того, что весь эмпирически данный мир представляется лишь «греховной скорлупой мира», где свобода невозможна по самой, этому греховному миру имманентной, логике вещей? Что же, разделяет этот взгляд на «свободу» академик Павлов?

Конечно, нет. Это противоречило бы сущности его естественно-научных воззрений. А между тем, он настолько не продумал своих положений о «свободной точке зрения», что из них прямо вытекают «иррациональные» выводы.

Ибо: что значит у Павлова «свободная точка зрения»? Очевидно, отсутствие точки зрения. Всякая точка зрения есть «связывающее» начало. Раз вы имеете определенную точку зрения, вас всегда могут обвинять, что

вы — ее «раба», что вы — у нее «в плену»; что вы — «закабалены» и прочее, и прочее.

Но самое забавное во всей этой абракадабре то, что полного отсутствия точки зрения не может быть. Что значит, например, «свободная точка зрения» в механике? Последняя оперирует целым рядом понятий, которые вы *volens-volens* должны употреблять. В каком смысле вы их употребляете? Вот Э. Мах произвел критический анализ этих понятий. Прав он или неправ? Любая наука говорит о «законах». Но что же, эти законы — объективная связь явлений или продукт нашего упорядочивающего разума, который на манер хозяина, по Канту, устанавливает из хаоса «правовое государство» космоса? Любое понятие любой науки можно критически взять под лупу. Как же должен поступать «настоящий» ученый по Павлову? Не думать ни о чем этом? Но это тоже будет «точка зрения», только самая худшая из всех возможных: это будет точка зрения обывателя в науке. Это будет худший вид догматизма, ибо он на веру принимает все установившиеся понятия и оперирует ими с невинным видом дикаря.

Итак, точка зрения, притом определенная точка зрения, есть вещь необходимая для всякого ученого, который не хочет ходить в идеологическом халате и стоптанных туфлях.

Спрашивается теперь, что же должен делать такой ученый, который стал на определенную точку зрения, смеет «свое суждение иметь», считает это «суждение» наиболее правильным, наилучшим из всех имеющихся решений задачи? Что должен делать в целях роста науки человек, который по безбрежному океану познания плавает не «без руля и без ветрил», а руководствуется выстраданной, проверенной, прошедшей через критическое сравнение с другими теориями точкой зрения?

Он будет эту точку зрения защищать, бороться за нее. Ведь и наука знает своих борцов. Такие люди и двигали дело науки вперед; они были тем полезным общественным бродилом, которое обеспечивало рост научного познания, а вовсе не обыватели, пугающиеся определенной точки зрения. Последнее свойственно компиляторам, эклектикам *par excellence*.

И нам совершенно ясно, что в своих рассуждениях о «закабаленности» и «свободе» академик Павлов совершенно зря клеветает на самого себя. В самом деле. Возьмите его сборник: «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных». По одной этой книге можно видеть, что ее автор «с превеликим упорством бьет в одну точку». Но именно в этом и состоит достоинство работ академика Павлова, что он в эту «точку бьет». Разве не так, наш почтенный оппонент?

С каким усердием академик Павлов защищает эту точку зрения даже в лабораторных исследованиях, мы видим из заявлений самого автора теории условных рефлексов. Он, между прочим, пишет: «Мы совершенно запрещали себе (в лаборатории был объявлен даже штраф) употреблять такие психологические выражения, как: «собака догадалась», «захотела», «пожелала» и т. д. ¹⁾».

Марксисты, «коммунисты» и «рабфаки», правда, еще не вводили штрафа за, скажем, употребление антропоморфических, телеологических или идеалистических выражений. Но они, несомненно, оправдали бы даже ту лабораторную «диктатуру рубля», которую ради науки устанавливали павловцы при своих экспериментах.

¹⁾ Академик Павлов. Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных. Указ. сборник, стр. 195.

Как же, однако, все это вяжется с выпадами самого академика против «закабаленной» точки зрения? Ведь малому ребенку ясно, что научная практика самого Павлова стоит в самом резком, самом кричащем противоречии с его положениями о «свободе» и «кабале».

Что сказал бы академик Павлов, если бы его критик, став в благородную позу защитника и рыцаря прекрасной дамы свободы, разразился бы по адресу знаменитого ученого, примерно, следующей тирадой:

«Догматизм теории условных рефлексов или сторонников академика Павлова... есть чистый догматизм, потому что они решили, что у них — истина; они больше ничего знать не хотят (совсем, например, не слушают виталистов), постоянно бьют в одну точку и надоели со своими слюнными железами до смерти. Между тем, наука и догматизм — совершенно несовместимые вещи... Сколько было крепких истин? Возьмите, например, неделимость атома» и т. д., и т. д.

И что сказал бы академик Павлов, если бы его критик обратился к нему и его ученикам уже с непосредственным увещанием, примерно, в таком стиле:

«И если вы к науке будете относиться как следует если вы познакомитесь с нею основательно, тогда, несмотря на то, что вы — сторонники теории условных рефлексов, «павловцы» и т. д., вы признаете, тем не менее, что павловская теория условных рефлексов, — вовсе не абсолютная истина, а одна из теорий, в которой, может быть, есть часть правды, а может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной, и уж, конечно, никогда не будете штрафовать своих сторонников за вольные выражения, ибо ведь сказал поэт:

Над вольной мыслью богу неугодны
Насилие и гнет».

Мы не сомневаемся, что академик Павлов с негодованием прогнал бы такого болтуна, даже если бы этот болтун имел большую бороду. Он сказал бы ему: «Не мешайте нам работать. Бросьте свою фразистую болтовню».

И он был бы совершенно прав. Очень опасным иногда бывает обывательское, некритическое употребление слов. Незабвенный Козьма Прутков писал: «Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе». Но «колбасам» подобны не только многие люди, но и многие словесные оболочки. Мы готовы бороться всеми силами за свободу общественных низов, за свободу от капитала, за свободу развития рационального начала над стихийным и т. д. Но мы отнюдь не сторонники освобождения капитала от цепей пролетариата; мы не сторонники освобождения от цепей разума; мы не сторонники свободы от определенной точки зрения и т. д., и т. д.

Вот это нужно понять академику Павлову. Ему нужно свести концы с концами в своих же собственных рассуждениях. Ему нужно сделать общественно-философские выводы из своих же материалистических предпосылок. Ему нужно разделаться с остатками словесного фетишизма, который еще тяготеет над ним, как только он заглядывает в область обществоведения.

Ему нужно понять то, что понял много лет тому назад даже либеральный Тургенев.

В «Стихотворениях в прозе» есть один замечательный отрывок «Житейское правило»:

«— Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, — говорил мне один старый пройдоха, — то упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы за собою чувствуете. Негодуйте... и упрекайте!»

Во-первых, — это заставит других думать, что у вас этого порока нет.

Во-вторых, — негодование ваше может даже быть искренним... Вы можете воспользоваться укорами собственной совести.

Если вы, например, ренегат, — упрекайте противника в том, что у него нет убеждений!

Если вы сами лакей в душе, — говорите ему с укоризной, что он — лакей... лакей цивилизации, Европы, социализма!

— Можно даже сказать: лакей безлакейства! — заметил я.

— И это можно, — подхватил пройдоха».

2. «БЕСПРИСТРАСТИЕ НАУКИ», ИЛИ АКАДЕМИК ПАВЛОВ ПРОТИВ АКАДЕМИКА ПАВЛОВА.

Академик Павлов, критикуя мою брошюру «Пролетарская революция и культура», ссылается на свою объективность.

«Надо сказать, господа, — говорит он, — что я к делу отнесся чрезвычайно добросовестно... Мой обычай, когда я (чем-нибудь *Н. Б.*) интересуюсь, читать не один раз книгу, а... несколько раз... Я эту маленькую брошюрочку прочел целых три раза, прочел (*с Н. Б.*) чрезвычайно напряженным вниманием и, как мне кажется, с возможным для меня беспристрастием. Вы понимаете, что я всю свою жизнь, стало быть, — полстолетия, провел в лаборатории, в экспериментальной лаборатории. Это что значит? — Что я каждый день проверял мое беспристрастие, мои мысли. Это — во-первых... Во-вторых, (я говорю *о Н. Б.*) моем беспристрастии, потому что всегда действительность должна была решить — прав я или не прав. Действительность никак не обманешь».

Уже из этого подхода видно, как наивна постановка вопроса академиком Павловым. Менделеев был знаменитым химиком, но вряд ли кто-либо решится утверждать, что он был «беспристрастен» по отношению к самодержавию и не имел слабости к протекционизму в сфере экономической политики. Ньютон был гениальным ученым, но вряд ли он отличался беспристрастием по отношению к Апокалипсису. Вильям Крукс был признанным астрофизиком и выдающимся экспериментатором.

ром, но всем была известна его слабость по отношению к спиритизму. Разве эту «действительность» можно обмануть?

Да, академик Павлов противоречит самому себе, когда говорит не о ком ином, как об академике Павлове. Ибо вот как он, по его же собственному утверждению, познает общественную действительность:

«Моя жизнь, — говорит он, — проходит чрезвычайно просто: я знаю свою квартиру, свою лабораторию, абсолютно никого и ничего не вижу, следовательно жизни в целом у меня нет. По теперешним газетам понятие о жизни едва ли можно (составить. *Н. Б.*): они слишком пристрастны, и я их не читаю».

И академик Павлов поэтому читает наши книжки, а затем их «беспристрастно» критикует.

Посмотрим «в корень». Академик Павлов «теперешних» газет не читает, ибо они пристрастны. Но раньше он газеты (не «теперешние»), конечно, читал. Следовательно, он их читал потому, что они были, в общем, беспристрастны или — скажем лучше и осторожнее — гораздо менее пристрастны, чем «теперешние». Это вытекает с неумолимой логикой из заявления академика Павлова о методах его ознакомления с общественной жизнью.

Мы спросим теперь академика Павлова: неужели прежние газеты, которые во время войны писали об ее целях, были беспристрастны? Неужели те Гауризанкурылжи о свободе, цивилизации, самоопределении малых наций, кресте св. Софии и проч., и проч., что наполняло «прежние газеты», неужели все это представляется Павлову даже теперь, даже в свете Версальского «мира» — святой и беспристрастной истиной? Или это — такая действительность, которую можно обмануть?

Быть может, однако, были беспристрастны газеты после Февральской революции? Тогда, когда они Ленина объявляли германским шпионом? Тогда, когда они воспевали Корнилова?

Ведь нужно же договорить академику Павлову до конца, чтобы быть честным с самим собой, чтобы осознать действительность. Он «беспристрастно» не видит «пристрастия» буржуазных газет к буржуазии, но зато ему в высшей степени претит «пристрастие» «теперешних» газет к рабочему классу. Так стоит в действительности вопрос, а не как-нибудь иначе.

Но если у академика Павлова есть этакое «беспристрастие» по отношению к нашим газетам, то у него должно быть, примерно, такое же отношение и к нашим книжкам или брошюрам. Только непоследовательностью мысли можно объяснить себе «методологию» усилий академика Павлова подойти к решению общественных проблем, когда он не читает газет, но читает доклады тех людей, которые этими газетами руководят. Ясно, что «ложная апперцепция» здесь дана заранее.

Характерно то, что иногда академик Павлов все же подходит к правильной постановке вопроса, но только тогда, когда этот вопрос берется в совершенно другом логическом контексте. Он, например, пугает «коммунистов и рабфаков» ужасами гражданской войны в Европе и выдвигает при этом ссылку на конфигурацию общественных сил, ссылку, которая, сама по себе, в высшей степени правильна.

Он пишет:

«В случае гражданской войны, это (военная мобилизация сторон. *Н. Б.*) пройдет через всю нацию. Если бы там оказалось больше на стороне революции материальной массы, то сколько бы оказалось ума, знаний и т. д. на другой стороне?».

Много ума и много знаний. Мы в этом согласны с академиком Павловым. Но ужели он не видит, что этим утверждением он вдребезги разбивает свои ссылки на беспристрастие людей науки? Почему же, — спросим мы академика Павлова, — почему же ваши ученые, привыкшие к экспериментам, к проверке действительности и проч., почему они обнаруживают такое удивительное «беспристрастие», что становятся прот и в материальной массы? Нельзя ли здесь найти некоторую объективную закономерность такого «внешнего поведения» людей «ума», знаний и т. д.? Почему это «Bildung und Besitz» становятся по одной стороне баррикады? Или, быть может, от господ бога так положено, что люди ума, знания и прочего обязательно должны быть настолько «беспристрастны», чтобы обязательно выступать против «материальной массы»? Но тогда чем же объяснить «пристрастие» таких людей, как Тимирязев или Эйнштейн, к этой самой «массе»? Или чем тогда объяснить тот поворот в головах интеллигенции, который происходит у нас, а отчасти и в Германии? И что же тогда остается от «беспристрастного» поведения людей науки вообще?

На все эти вопросы академик Павлов не сможет ответить, если он будет стоять формально — на точке зрения формального же беспристрастия, а по существу — на точке зрения охраны буржуазного режима, который нуждается в формальном идеологическом прикрытии, т.-е. на точке зрения, которая не может быть беспристрастна по самой своей природе.

После всего этого академик Павлов, подходя к решению великой социально-экономической проблемы современности, благодушно поливает человечество розовой водичей успокоения. Прямо и непосредственно после совершенно правильного указания на то, где будут во время гражданской войны стоять силы «ума и знания», наш

ученый с наивным (или наивничаящим?) видом приходит к следующему «выводу»:

«Лично я, — заявляет академик, — по своей профессии ученого, думаю иначе (чем коммунисты. Н. Б.)... Выход всетаки один, выход всетаки в науке, и на нее я полагаюсь и думаю, что при ее помощи человечество разберется не только в своем состязании с природой, но и в состязании со своей собственной натурой... Так что для меня всетаки выход в развитии и в проникновении в человеческую массу научных данных. Они остановят человечество перед этим странным видом взаимного истребления, на пролетарском или капиталистическом основании, — все равно».

Относительно знака равенства между империалистической и гражданской войной и проч., речь будет идти ниже. Здесь же нам интересно вот что. Конечно, распространяться «о пользе наук и искусств» — в высшей степени наивно. Но, — спросим мы академика Павлова, — какие же научные данные, из какой научной области, «исправят» «человечество»? Нужны ли такие данные, чтобы понять, что дырка в черепе от свинцовой пули не способствует здоровью носителя этого черепа? Что же даст в этом смысле, в смысле избавления от империалистических войн, от эксплуатации, от колониального мародерства и проч., наука? Возьмем, например, химию. Павлов признает, что люди науки против «материальной массы». Значит, они эту химию и повернут соответствующим образом. Биологи и физиологи помогут (и помогают) химикам: они открывают наиболее чувствительные места у организмов и дают директивы при выборе ядовитых газов. Или академик Павлов думает, что математика спасет человечество? Или, быть может, общественные науки? Но здесь — да будет это известно академику Павлову — существуют две диаметрально

противоположных системы: одна из них — воинствующий марксизм, который, рассматриваемый прагматически, есть не что иное, как орудие революции; другая — буржуазные общественные науки, которые в целом являются не чем иным, как идеологической охраной частной собственности и капиталистического режима. Мы не в состоянии подробно доказывать это положение, в достаточной мере известное каждому «коммунисту и рабфаку», но, к сожалению, мало известное многим ученым профессорам. Мы ограничимся только несколькими, наудачу выбранными, примерами.

Вот перед нами лежит новое, очень «солидное» исследование известного австрийского экономиста Ludwig'a Mises'a: «Die Gemeinwirtschaft». Это произведение кончается на 503 странице таким выводом: «Является ли общество добром или злом (ein Gut oder ein Uebel)—об этом можно судить по-разному. Но тот, кто предпочитает жизнь смерти, блаженство — страданию, благосостояние — нужде, тот должен принять и утверждать (bejahen) общество. А кто признает общество и желает его развития, тот должен также быть за частную собственность (Sondereigentum) на средства производства без всяких ограничений и без всяких оговорок (ohne alle Einschränkungen und Vorbehalte)»¹⁾.

Вот перед нами «углубленная» буржуазная общественная философия, представленная нашему вниманию г. Бердяевым в его последнем труде: «Философия неравенства»²⁾.

¹⁾ L. Mises. «Die Gemeinwirtschaft». Jena. Gustav Fischer. 1922. S. 503.

²⁾ Николай Бердяев. «Философия неравенства». Берлин. К-ство «Обелиск».

Здесь мы читаем:

«Собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное... Начало собственности связано с бессмертием человеческого лица» (стр. 215).

«Аристократия есть порода, имеющая онтологическую основу, обладающая собственными, не заимствованными чертами. Аристократия сотворена богом и от бога получила свои качества» (стр. 105).

«Существование государства (разумеется, не какой-нибудь там Советской власти, а «всамделишного», т.-е. в первую очередь, буржуазного государства) в мире имеет положительный религиозный смысл и оправдание. Власть государства имеет божественный онтологический источник» (стр. 64).

«Творчество — аристократично» (25).

«Социальная революция и не может не напоминать грабежа и разбоя» (25).

«Безумны те из вас, которые думают достигнуть социального рая и блаженства... оставаясь в физическом теле, оставаясь подданными царства материальной природы и ее законов» (203).

«Потребительский, распределительный хозяйственный идеал социализма — по существу не духовен и анти-религиозен. Это — рабочий идеал. Совершенное питание с религиозной точки зрения — евхаристическое питание. В евхаристическом питании человек соединяется с космосом во Христе и через Христа. Тогда потребление и творчество совпадают, человек впитывает в себя космическую жизнь и из себя выделяет творческую энергию в космическую жизнь» (212).

Г-н Н. Бердяев — не первый встречный шарлатан, а «признанный» русский общественник и философ. Что же, прикажете эту «науку» считать за спасительницу

мира? Эту чепуху, которую «выделяет» «в космическую жизнь» г. Николай Бердяев?

Вот вам один из русских экономистов, г. Бруцкус¹⁾. Он — человек более трезвый, чем г. Н. Бердяев. Вряд ли он склонен к наиболее совершенному «свхаристическому» питанию. Общественные столовые «пресвятые троицы» и «Софии — премудрости божией» не особенно привлекательны для людей «позитивного» мышления. Да и «выделяет» г-н Бруцкус не столько в космическую жизнь, сколько в среду белой эмиграции, куда он был, по всем правилам современной биологии, «пересажен» Советской властью и где он отлично «прижился». Так вот сей ученый поучает:

...«Время требует более решительного отказа от догмы марксизма. Воспитанные в мечтах о социальном перевороте, рабочие массы могут немедленно приступить к разрушению существующего общественного строя. Социалистам остается или благословить эти порывы масс и стать под знамя III Интернационала, или с полной решительностью отречься от марксистских идей *Zusammenbruch*'а и следующего за ним государства будущего. Они обязаны в последнем случае открыто сказать массам, что строй частной собственности и частной инициативы... нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация..., ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти».

Г-н Бруцкус мудро умалчивает о том, что «строй частной собственности» неизбежно приводит к империалистическим войнам, которые являются такой же инте-

¹⁾ См. Б. Д. Бруцкус. «Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта». Берлин. Изд. Tritemis. Предисловие.

гральной частью современного капитализма, как проституция, сифилис, религия и водка.

Гораздо развязнее держит себя другой обществовед, представитель русской исторической науки, профессор Р. Ю. Виппер. В своей последней работе: «Круговорот истории» он ставит все точки над «і».

«Война, — пишет он, — не уродливый нарост культуры, а ее органическое свойство, ее могущественный фактор».

«Война нужна для того, чтобы дать выход героическому началу в человеке, чтобы найти применение его энергии, духу изобретательности...»

Само собою разумеется, что, приглашая людей, ради усовершенствования духа изобретательности, «мало-мало резать друг друга», наш энергичный, изобретательный, героический профессор тут же заявляет, что резать людей можно лишь — выражаясь языком академика Павлова — «на буржуазном основании», ибо «в гражданской войне честность и преданность исчезают».

Все это г-н Виппер «придумал» только после революции. Его блестящие прежние исторические работы говорили совсем другое:

«Были когда-то и мы рысаками».

Но теперь «nous avons changé tout cela».

Итог: что же эта наука нас спасет?

Евхаристическое литание Бердяева?

Частная собственность Бруцкуса (разумеется, беспристрастного)?

Война Виппера?

Или тысячи таких же «выделений», которыми полна общественная наука буржуазии, — наука, которая «зады твердит и жмет за двух» с усердием, поистине непревзойденным?

Разве можно так наивно чать перед лицом потрясающих грандиозных событий современности? Разве

можно не видеть, что из этого Назарета дует гнилой ветер смерти, тлена, разложения?

Беспристрастие науки в том смысле, какой придает ему академик Павлов, есть миф. Мифотворчество же стоит в коренном противоречии с материалистической основой павловского учения. И академику Павлову нужно здесь выбирать: или оставаться в сетях противоречий, или уходить от фактического пристрастия к тому строю частной собственности, который является альфой и омегой для «ликующих, праздно болтающих, обгагривших руки в крови».

Не мифотворчество нужно нашему времени, а страшное и мужественное понимание действительности. Не сладенькое самоутешение и не страусовы повадки, а «физическая сила мысли» и стальная воля, необходимые для того, чтобы победоносно пройти, хотя бы с сотнями рубцов на теле, через историческую полосу мучительного и, вместе с тем, великого времени, в которое мы живем.

3. О ШАНСАХ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ИЛИ ПАВЛОВСКИЙ ТУПИК НОМЕР ПЕРВЫЙ.

Для того, чтобы правильно ориентироваться в фактах современности, нужно, прежде всего, понять всю грандиозность исторического перелома, который переживает человечество. Только тогда можно будет выбирать и надлежащие масштабы для оценки тех или иных исторических событий нашего времени. Обычная ошибка очень крупных людей (в первую голову — ученых) «старого мира» состоит (если мы говорим о логической стороне дела; логика же опирается на психологию, в свою очередь являющуюся функцией социального бытия) состоит в том, что при оценке катастрофы всего старого уклада они тщетно пытаются приводить масштабы, мерки и критерии, взятые из привычной, сросшейся с мозгами этих людей практики мирного, спокойного, так называемого «нормального» капиталистического бытия. Это все равно, что Гулливеру натягивать штанишки младенца-лилипута или измерять аршинами расстояние от земли до созвездия Ориона. Гулливеру нужны гулливерские штаны, а для измерения межпланетных пространств употребляется, как известно, такая мера, как световой год. Но то же *mutatis mutandis* мы должны иметь в виду и для сферы общественных наук: нужно знать, что в нашу эпоху необходимо выбирать критерии не совсем обычного или, вернее, совсем необычного типа.

Предпослав дальнейшему изложению это предварительное замечание, мы переходим к анализу «опровержений», которыми академик Павлов «опрокидывает» наше учение о революции.

«В этой книжке, — говорит академик Павлов про брошюру автора эти строки, — прежде всего остановил мое внимание тот же пункт, который поразил меня в прошлом году в другой книге, в «Азбуке коммунизма». Это, именно, категорически высказываемое предположение, что пролетарская революция или коммунистическая революция может победить только как мировая революция, т.-е. в мировом масштабе.

«Вот моя мысль и остановилась на этом пункте в первую голову. Но какие есть доказательства, что такая революция обобщится, что она действительно делается мировой... И вот, сколько я ни роюсь во впечатлениях от жизни... я не вижу того, что указывало бы на возможность мировой революции».

«Лидеры нашей правящей партии верят в то, что мировая революция будет, но я хочу спросить, до каких же пор они будут верить. Ведь нужно положить срок. Можно верить всю жизнь и умереть с этой верой».

«Должны быть осязательные признаки, что это имеет шансы быть, а где эти признаки?».

Академик Павлов переходит далее к анализу объективного положения вещей со своей «беспристрастной» точки зрения. Мы приведем сперва результат этого анализа, по возможности текстуально.

«Возьмите крупнейшие державы, — говорит наш оппонент, — которые держат в своих руках судьбы наций: Францию, Англию, Америку: там никаких признаков нет, тишь да гладь... А, между тем, они сейчас в ру-

ках своих держат мир, от них все зависит, они — сохранившаяся сила.

«Где идут беспорядки, где похоже на революционный взрыв, это — в побежденных странах, в Германии прежде всего, в Польше (тут академик Павлов делает промашку, ибо Польша — вовсе не побежденная страна. Но этот lapsus можно извинить. *Н. Б.*). Почему? Именно потому, что они — побежденные страны. Германия находится в страшно трудном положении, потому что она начала войну, воевала сцелым светом и теперь нужно расплачиваться со всем светом. Откуда взять такие ресурсы? По иностранной прессе не поймешь (а по русской, может, и поймешь, да вы ее не читаете. *Н. Б.*), не то она хочет платить, не то не может платить контрибуцию, как полагается побежденной стране. Но это — ничего общего с революцией не имеет.. Где те элементы, которые могут сделать революцию? Буржуазия не за революцию (еще бы! *Н. Б.*). Наиболее организованная часть (рабочих *Н. Б.*), социал-демократы, против этой революции. Кто же ее может сделать? Значит, ее сделает ничтожная там компартия?.. Какие у них ресурсы?

Теперь то же в Болгарии. Но это — побежденная страна, дикая страна. Что это за шансы для мировой революции? Я их не вижу при всем своем беспристрастии».

И академик Павлов подводит по этому пункту такой итог: наша революция «стоила нам невероятных издержек, страшнейшего разрушения; а что если это все впустую, если мировая революция не случится?.. Тут я мучаюсь, и моя мысль бросается во все стороны, ища выхода, и не находит его. Вот это — тупик» ¹⁾.

¹⁾ Во всех цитатах подчеркивания сделаны мною. *Н. Б.*

Академик Павлов читал свою лекцию несколько месяцев тому назад. Но те сдвиги, которые получились за это время, лучше всего показывают, насколько неверна оценка положения академиком Павловым. Прежде всего, остановимся на приеме, который применяется нашим оппонентом.

В Германии — похоже на революцию, но это — побежденная страна.

В Болгарии похоже на революцию, но Болгария — дикая страна.

В Польше похоже на революцию, но она — слабая (или еще какая-либо: академик Павлов ошибочно причисляет ее к побежденным) страна и т. д., и т. д.

Прекрасно. Пусть Болгария — дикая и побежденная, пусть даже Польша будет сопричислена к побежденным странам. Но почему же все это служит аргументом против «обобщения» русской революции? Что капитализм лопается, начиная с своих наименее крепких звеньев (а следовательно, начиная со стран, а и б о л е е подорванных войной 1914 — 1918 г.г.), это — бесспорно. Мы об этом неоднократно писали, и теоретически дело совершенно понятно. Но разве это опорочивает самый ф а к т революций или ф а к т глубоких революционных брожений? Ведь, так рассуждая, можно объявить, что и русская революция — не революция (ибо Россия была и побежденной, и изрядно дикой страной), что никакой революции вовсе и не было, и что все выдумали большевики (а кто выдумал самих большевиков — в данной связи остается, очевидно, неисследованным). Еще более наивны фразы академика Павлова относительно Германии. Эта последняя, извольте ли видеть, «находится в страшно трудном положении п о т о м у, что она начала войну, воевала с целым светом и теперь ей нужно расплачиваться со всем светом!» Поистине, тут прямое

отступничество от какого бы то ни было «объективного метода». Оставляем в стороне вопрос о том, кто «начал» войну (академик Павлов здесь еще все живет под гипнозом «Биржовки» и ее коллег). Пусть ее начала Германия. Но разве поэтому она теперь «в трудном положении»? А не потому, что она была бита? И не потому, что ее грабят? При чем эта мораль в исследовании причинных соотношений? Это все равно, что «опровергать» теорию Павлова ссылкой на то, что хозяйка мопса, попавшего в греховную павловскую лабораторию, была мало добродетельна, и поэтому опыты Павлова имели успех. Аргументация, достойная «вумного» батюшки в рясе: «покараал господь бог Германию за грехи ее — вот и похоже дело на революцию».

Вспомним все же кое-какие факты, ту самую действительность, о которой любит говорить наш оппонент. Мы знаем твердо следующее. После войны были революции:

- в России — две, обе победоносные,
- в Германии — одна, победоносная, и ряд восстаний,
- в Австрии — одна,
- в Венгрии — две,
- в Финляндии — две,
- в Болгарии — две,
- в Польше — одна и т. д.

Мы не говорим уже о китайской революции и постоянном брожении в колониях, в Индии, например.

Что же, все это — факты или большевистская блажь? А если это — факты, то как можно утверждать, что русская революция не обобщается и что нет даже осязательных признаков этого обобщения? Мы очень сожалеем, что академик Павлов не читал газет: может быть, поэтому он «верит», что короны Вильгельмов,

Карлов и прочих продолжают еще существовать на головах этих монархов...

Но шутки в сторону. Совершенно очевидно, что мировая революция есть факт. Но что она находится в определенной фазе своего развития, когда пролетариат захватил только одну шестую суши, а не шесть шестых, это — тоже факт. Можно теперь спросить себя, куда же идет дальнейшее развитие мировой революции?

Или, быть может, мы имеем перед собой процесс революционного упадка и развития, укрепления, роста капиталистических отношений?

Послушаем некоторых «людей ума и знания».

«Перед нами — бессильная, бездеятельная, дезорганизованная Европа, разделенная внутренними распрями, национальной ненавистью, содрогающаяся в усилиях борьбы и муках голода, полная грабежа, насилия и обмана. Чем можно доказать, что эта картина написана в слишком мрачных красках?»

Так пишет мистер Кейнс ¹⁾.

«Мы наблюдаем в Европе явление необычайной слабости со стороны великого капиталистического класса, который вышел из промышленных триумфов XIX века и несколько лет тому назад казался нашим всемогущим повелителем. Запуганность и личная робость членов этого класса стала теперь так велика, их вера в свое общественное назначение, в свою необходимость для социального порядка до такой степени ослабела, что они легко становятся жертвами устрашения» ²⁾.

Это говорит английский экономист, профессор, признанный правительственный эксперт.

¹⁾ Кейнс. «Экономические последствия Версальского договора». Гиз. 1922 г. Стр. 140.

²⁾ Ibid., стр. 133.

Вот вам итальянский ех-министр, профессор и финансист г. Нитти:

«Революция,—пишет он,—находится в своем начале... Вся Европа проникнута революционным духом. Существует не только недовольство, но и ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного политического, социального и экономического порядка»¹⁾.

Немецкий приват-доцент г. Шульце:

«Почва для подобного (европейского. Н. В.) умопомрачения лучше всего подготавливается всеобщим недоверием и отчаянием. Шаман постится несколько дней, готовясь к экстатическим действиям. Если целые народы вынуждены длительно поститься, они впадают в такое же иступленное состояние» и т. д.²⁾.

Французский ех-министр г. Кайо резко критикует современное положение вещей в Европе. И знаете, академик Павлов, как он оценивает русскую революцию, о которой вы думаете, не «впустую» ли она? Вот как:

«Советские люди — справедливость требует признать это — подошли к проблеме. Сознательно или нет — они попытались ослабить экономическую неустойчивость, подчиняя промышленность и ее развитие общественным интересам... Какое же решение задачи предлагает другая сторона? *Status quo!* Спокойное и удобное *laissez faire!*»³⁾.

А вот вам описание европейского положения в солиднейшем, архи-спокойнейшем органе английской буржуазии, «Economist»:

¹⁾ Ф. Нитти. «Европа без мира». Гиз. 1923. Стр. 83.

²⁾ Э. Шульце. «Развал мирового хозяйства». Госиздат. 1923. Стр. 348.

³⁾ Кайо. «Куда идет Франция? Куда идет Европа?» Гиз. 1923. Стр. 176.

«Наш германский корреспондент, которого... невозможно обвинить в том, что он стоит на стороне Германии (of being pro-german), сообщает:

...«Текущие события доказывают, без всякого сомнения, что Франция не преследует цели восстановления, а систематически уничтожает жизнь Германии (is systematically crushing out the life of Germany)» ¹⁾.

«Правда о положении вещей в целом, как внутреннем, так и внешнем, такова, что Франция схватила Германию за горло и систематически уничтожает ее жизнь» ²⁾.

Мы нарочно приводили отзывы людей, которых никто не заподозрит в склонности к «правящей в России партии», к «коммунистам», «рабфакам» и прочим металлам и жупелам буржуазного сознания.

¹⁾ «Economist», Oct. 6, p. 511

²⁾ Ibid., 522.

4. ОБЪЕКТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ВТОРОЙ ТУПИК МЫСЛИ АКАДЕМИКА ПАВЛОВА.

Академик Павлов великодушен: он готов сделать нам «уступку» и признать, что, по крайней мере, наша-то революция есть факт (да благословят его боги г-на Бердяева!). Но—думает наш академик—ведь, по случаю этого факта не «осанну», а, пожалуй, «караул» кричать надо.

«Затем,— пишет он,— если бы в элементах нашей революции было бы что-нибудь такое, что могло бы пособить, это другое дело. Вот вы несчастны, а мы очень счастливы, мы поможем вам, как выйти из этого затруднительного положения. Но этого ничего нет»

Теперь эта «злая» (в кавычках) ирония академика Павлова над нами уже превратилась в злую (без кавычек) иронию академика Павлова над академиком Павловым. Ибо, когда, например, коллеги нашего оппонента на съезде ученых постановляют оказать помощь ученым Германии, когда то же делают наши профсоюзы, то за этими, сравнительно мелкими фактами на самом деле скрывается целый принципиальный переворот, опрокидывающий целиком павловские построения. Мы далеко еще не «счастливы», но жиры германским ученым посылаем, хлеб рурским рабочим посылаем, вообще налаживаем экспорт в Германию, а своей вооруженной мощью (одним фактом ее существования) удерживаем кое-кого от окончательного раздела Германии. Что же, все это — не факты и не действительность, которую так любит (как «категорию»)

академик Павлов? И если он любит действительность (критерий истины) не платонической любовью, die keine Kinder produziert (ибо платоническая любовь чрезвычайно мало подходит к стилю физиолога-экспериментатора), то не пора ли сделать кое-какие практические выводы?

Необходимо, прежде всего, осмыслить вышеприведенные факты.

Основной вывод, который нужно сделать, это — тот вывод, что большевистская революция спасла страну от разгрома и превращения в колонию.

Понимает ли академик Павлов, что кроме пролетариата и его партии в России не было силы, которая могла бы вывести ее из империалистической войны и уберечь ее от настоящего разгрома и разложения? Пробовал ли он хоть примерно подсчитать, что стоили России одни проценты по государственному долгу? Читал ли академик Павлов, как хозяйничали японцы, англичане, французы и прочие на территориях, занятых в свое время белыми? И так далее, и тому подобное.

Неужели теперь, даже теперь непонятно, что один выход из войны и неплатеж долгов являются двумя фактами, которые определили жизнь страны, как самостоятельной величины? Неужели это нужно еще доказывать?

Но спасти страну и защитить ее мог только рабочий класс и крестьянство. Почему?

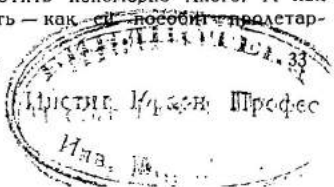
Потому, что тут нужно было пробуждение величайшей активности масс. Но эта активность масс могла быть стимулирована, разожжена исключительно тогда, когда крестьянин получил землю, а рабочий взял фабрики и власть. Другими словами, социально-экономический и политический переворот был объективной предпосылкой сохранения того комплекса, который назы-

вался Россией. Только потому, что была пробуждена активность миллионов рабочих и крестьян, что они могли развить беззаветную, безграничную, героическую преданность революции в ее борьбе с врагом, только потому мы стали, на новой основе (ибо старая объективно изжила себя), великой державой. Неужели это так трудно понять?

Это общенародное значение «узко-классовой» большевистской революции и есть основной признак того, что старый уклад жизни изжил сам себя: невозможна стала экономическая старая увязка; невозможна стала старая увязка между классами; невозможно—объективно невозможно—стало прежнее соотношение в области политической надстройки; лопнуло равновесие старого типа (империалистического типа) между различными национальными элементами. «Нужна» была в данных условиях радикальная общественная переорганизация. Только она и обеспечила жизнь стране, возможность дальнейшего развития. Этой возможности не видели близорукие идеологи буржуазии, для которых свет клином сошелся на священном принципе трижды священной частной собственности, с ее «религиозно-онтологической основой». Но теперь эта возможность уже реализуется, и параллельные синхронистические таблицы германского и российского развития были бы лучшей иллюстрацией к опровержению «опровержений» академика Павлова. Ибо мы еще не «счастливы», но становимся «счастливее». А Германия уже не «счастлива» и становится все более несчастной. Так — и только так — можно ставить вопрос.

«Возьмите Германию, — возражает нам, однако, академик Павлов, — она мучается, потому что побеждена, потому что должна платить непомерно много. А как бы — желал бы я знать — как ~~се~~ ^с ~~особи~~ ^{особи} пролетар-

3 О мировой революции.

ская революция? Теперь они всетаки, за исключением маленькой кучки, соединены между собой, а тогда они образовали бы стан враждующих друг с другом людей. И почему это вывело бы их из тяжелого положения, в котором они находятся? Я этого опять не представляю себе, и я опять в тупике. Конечно, кончилось бы тем, что Франция еще скорее эту Германию обработала бы, заняла бы еще большую территорию, отняла бы большие ценности, если бы они (т.-е. немцы. *Н. Б.*) устроили (! *Н. Б.*) гражданскую войну. Я совершенно не понимаю, каким образом это (т.-е. выход из затруднений. *Н. Б.*) бы вышло, и опять становлюсь в тупик. Ответа нет».

Аргументация академика Павлова удивительно проста, прямо трогательна в своей святой простоте, до того трогательна, что невольно вспоминаешь старушку Иоганна Гуса: *O, sancta simplicitas!*

В самом деле. Академик Павлов выставляет, по сути вещей, один единственный аргумент: если «они» — вместе, то «они» — сильнее. Если «они» идут друг против друга, то «они» — слабее. Но такой постановкой вопроса академик Павлов снимает с обсуждения самую основную проблему. Ибо основная проблема современности и состоит в том, кто скланивает общество: рабочий класс или буржуазия. Предпосылкой является кризис теперешнего соотношения, фактический кризис. Ибо где это академик Павлов видел, что «все немцы», «за исключением маленькой кучки», «соединены между собою». Ведь, это — смеху подобно, такое утверждение. В Германии идет восстание за восстанием, Германия расчлняется, борьба классов невиданная, а академик Павлов толкует о «маленькой кучке».

Правда, когда академик Павлов читал свою лекцию, многих фактов еще не было. Но в том-то его, Павлова,

и беда, что он не видит объективных тенденций развития и распада. Не видит или не хочет видеть. Раскол между классами на-лицо. Можно ли восстановить старое равновесие или нужно искать новой общественной установки — вот в чем вопрос. Другими словами: сможет ли буржуазия скрутить пролетариат, или пролетариат должен скрутить буржуазию и, переорганизовав общество, вести борьбу за его существование. Только так можно ставить проблему. Павловская постановка ее никуда не годится потому, что она не видит вопроса самого существенного, того, который навис над миром во всей его громадности.

Посмотрите, далее, на ход мыслей академика Павлова по этому пункту. Беда в се его рассуждения, от слова до слова, с таким же правом могли бы быть «применены» и к русской революции. Представим себе период мировой войны, то время, когда царская армия начала терпеть поражение за поражением. Академик Павлов мог бы слово в слово повторить свои аргументы. Был бы он прав? Нисколько. Ибо он не видит больших исторических, совершенно объективных детерминант, которые соответствующим образом расставляют классы и определяют волю этих классов (или, если хотите, их «внешнее поведение» — в данном случае это совершенно безразлично). Во время войны сначала была, действительно, «маленькая кучка» ее решительных противников. Но нужно же понять, что эта «кучка» могла стать могучей силой только потому, что объективные условия жизни ставили массы в такое положение, когда они неизбежно должны были восстать. Н е и з б е ж н о — понимаете ли вы это, сторонник объективного метода?

То же сейчас и в Центральной Европе. А при таком положении проповедь классового мира будет поповской

проповедью, которая от масс все равно будет отскакивать, как от стены горох. Она будет, в лучшем случае, той слюнявой «гуманной» фразой, которую извергают «в космическую жизнь» никчемные, не способные ни на какое действие, не приставшие ни к какой крупной общественной силе, юродствующие интеллигенты, «люди-слизни, люди-трава», как их называл когда-то Герцен. Эта расслабляющая проповедь объективно ничего, кроме вреда, никогда не приносила и не принесет.

Ну, а теперь самый «ужасный» вопрос, который привел в тупик академика Павлова: почему же революция поможет; или, говоря по-кантиански: «как возможна объективно полезная роль революции». Что же: правда, что на этот вопрос нет ответа?

Vous vous trompez, monsieur! На этот вопрос ответ дала, прежде всего, сама жизнь. Наша революция уже ответила, как «это» происходит. Мы подробно останавливались на этом несколькими строками выше. Стоит только немного подумать, чтобы увидеть «значимость» этих строк и для Германии.

Теперешнее германское правительство есть правительство «кучки». В условиях общего кризиса оно не может защищать Германию и поэтому будет объективно способствовать ее разложению, несмотря на все свои усилия. Мобилизация масс происходит не за правительство, а против него. Между тем, спасти Германию может только такое правительство, которое опирается на массы, их мобилизует, их ведет.

«Франция все отнимет, все разорит». А почему у нас Франция плюс Германия + Англия + «и так далее» не смогли отнять наших завоеваний? Именно потому, что на защиту своей страны (а не страны денежного мешка) встали массы. У Германии, правда, нет таких пространств, какие были у нас, пространств, которые

давали нам возможность маневрировать и выигрывать время. («Я уступаю пространство, чтобы выиграть время» — говорил тов. Ленин во время брестских дебатов внутри нашей партии.) Но мы были одни, а теперь уже есть такая база революции, как весь наш Союз. И — скажите, пожалуйста, по совести: если бы ряды революционных масс сожнулись от Рейна до Владивостока, какая сила могла бы их победить? Какая сила могла бы сосать жизненные соки из Советской Германии? И неужели, действительно, непонятно, чем, как и почему помогла бы Германии победоносная пролетарская революция?

Этот революционный выход не только возможен, но он — в той или другой форме — исторически необходим.

А вот у академика Павлова — действительно пиковое положение, воистину хуже губернаторского.

Обретши у нас несуществующий тупик, он пишет:

«Когда автор говорит о перспективах капиталистического мира, он обращает внимание на то, куда устремилась энергия и мысль этой капиталистической Европы. Именно на выделку чрезвычайных истребительных средств, на пушки, на аэропланы, которые летают одни и разрушают города, и т. п. Право, это ужасная картина, и если бы все эти истребительные средства были пущены в ход, это угрожало бы истреблением человечеству. Конечно, перспективы ужасные, если только человечество (!) не придумает (!!!) чего-либо (?!) смягчающего (!!?!)».

И-да. Утешили вы, академик Павлов, человечество!..

Это уж почти совсем по Щедринау:

«Карась — рыба смиренная и к идеализму склонная: не даром его монахи любят».

« — Надобно, чтоб рыбы любили друг друга! — ораторствовал он: — чтобы каждая за всех, а все за каждую; вот когда настоящая гармония осуществится!

« — Желал бы я знать, как ты с твоей любовью к щуке подъедешь! — расхолаживал его ерш.

« — Я, брат, подъеду! — стоял на своем карась: — я такие слова знаю, что любая щука в одну минуту от них в карася превратится!

« — А нутка, скажи!

« — Да просто спрошу: знаешь ли, мол, щука, что такое добродетель, и какие обязанности она в отношении к ближним налагает?»

Увы! У академика Павлова нет даже таких слов... А карась-то щука все же, как известно, проглотила.

5. УЖАСЫ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН ИЛИ ТРЕТИЙ ТУПИК АКАДЕМИКА ПАВЛОВА.

Предлагая «человечеству» свое «смягчающее» (не хотите ли, граждане, «смягчающего» на полтинник?), — причем толком не поймешь, что же это, в конце концов, за штука, сия касторка для страждущего человечества, — академик Павлов обрушивается изо всех сил на не-«смягчающее» средство гражданских войн. И тут — так уж, очевидно, ему на роду написано — попадает в свой очередной тупик, чему читатель, впрочем, перестал уже, наверно, удивляться: «привычка — вторая натура».

«Но, позвольте, — восклицает академик Павлов, — а что же в этом будущем ужасном положении пролетарская революция могла бы сделать?» Наш оппонент цитирует ссылку на Маркса, где последний говорит о длительной полосе гражданских войн и битв народов («15, 20, 50 лет»), и трагически вопрошает:

«Что же это за выход? Мировая война была четыре года и то уже измучила человечество, а Маркс, оказывается, предполагает 50 лет, да еще ужасных битв народов, да еще гражданской войны. Что это за выход?.. Я не понимаю, что это за выход — 50 лет всенародной войны при этих истребительных средствах. Мне кажется, что в этих случаях (?) — конечно, к Марксу это не относится, а относится к Бухарину (*merci bien! Н. Б.*) — они (т.-е. большевики. *Н. Б.*) соблазняются до известной степени легкостью русской революции, но я думаю, что соблазняться ею разумных оснований нет. Не говоря

уже о чрезвычайных издержках, Россия на десятилетия разрушена... Если бы желание партии осуществилось, то резня во всех нациях произошла бы такая, которая неизмеримо превзошла бы ту, которая была у нас».

В этой тираде академика Павлова заключается целый букет ошибок.

Во-первых. Академик Павлов наивным образом смешивает объективный прогноз с нормой поведения. Маркс предсказывает эпоху мировых войн, как некую реальность; Маркс предсказывает гражданские войны, как результат общей катастрофы, которая растягивается на целый период. И Маркс говорит, что в это «железное» время рабочему классу придется вести активную борьбу, которая закалит его и «переделает его собственную природу». Верны или неверны оказались эти предсказания? На этот вопрос можно ответить так: они уже начали сбываться. А академик Павлов, перед лицом этих фактов, становится в благородную позу и говорит: «Ах, как это не хорошо, все битвы, да битвы! Никакого покою нет».

Положим. Но почему же вы все эти «битвы» (в том числе и мировую войну) вменяете в вину пролетариату, как его «выход»? Это уж совершенная нелепица, ровно ничем не оправдываемая. Маркс «предполагает». Верно. Но «предполагать» это вовсе не значит «желать». Мы и сейчас «предполагаем», что царство священной частной собственности еще и еще раз приведет к кровавой бойне. Буржуазия с ее ученым и техническим окружением не для детской забавы строит смертоносные орудия и машины. Она не может иначе. А наше дело, дело рабочего класса, использовать вызываемые войной кризисы для подрыва того проклятого строя, для которого войны, захваты и грабежи так

же характерны, как власть денег, угнетение масс, протституирование науки и т. п. Но разве из этого следует, что буржуазную кроваво-грязную политику можно вменить пролетариату? Это, уж, знаете ли, логика по Мейерхольду, «логика дыбом». Иначе такие выводы обозначить нельзя.

Во-вторых. Откуда это академик Павлов заключает, что мы «соблазняемся» легкостью русской революции? Академик Павлов, не читающий «для ради беспристрастия» теперешних газет, «соблазняется» возможностью клепать на нас, как на мертвых. Если бы он немного больше знал, тогда ему бы «казалось» нечто совершенно другое. Ибо все коммунистические идеологи, во главе с товарищем Лениным, всегда говорили, что на Западе победить труднее, но зато строить будет легче. Труднее победить, потому что буржуазия там гораздо крепче, умнее, сильнее, тренированнее, опытнее; потому что крестьянство в значительной степени не то, что у нас; потому что народ обезоружен и т. д. Все это тысячи раз твердилось всеми нами. А вот академику Павлову, извольте ли видеть, «кажется», что мы думаем «совсем наоборот». Как замечательно такое чтение в сердцах подходит стороннику «строго-научных» методов! Конечно, если на свои выступления смотреть, как на лущение семечек (сплюнул шелуху в угол, да и ладно) — тогда другое дело. Но, ведь, академик Павлов — серьезный, уважаемый всеми, выдающийся работник науки. Вот что значит: «газет не читаю, а судить да рядить — берусь».

В-третьих. Академик Павлов аргументирует от издержек революции. Но уже из предыдущего ясно, что он совершенно неверно подводит балансы этих издержек. У него получается вот какая картина:

I.

4 года мировой войны.
Они измучили человечество.
В этом виновата германская буржуазия, которая начала войну.

II.

50 лет великих международных и гражданских войн.
Они совершенно доканают человечество.
Это предлагает от имени пролетариата Маркс, а вместе с ним и все коммунисты.

А отсюда академик Павлов делает примерно такой вывод: так как 50 больше 4, то «пролетарский» выход есть чистое безумие. Все это было бы так, если бы «калькуляция» академика Павлова хоть сколько-нибудь соответствовала истине. Но ее (этой «калькуляции») основное свойство в том и заключается, что она никакой действительности не отражает и не выражает. Правильная калькуляционная картина была бы:

1. Буржуазия.

4 года мировой войны.
Послеверсальский хаос.
Новые неизбежные войны.
Культурная гибель Европы,
а, может быть, и гораздо более широкого культурного круга.

2. Пролетариат.

Победоносная революция в России и ряд революций в других странах.
Неизбежные восстания.
Спасение от гибели Европы (а, может быть, и всего культурного мира).

Все это длится «15, 20, 50 лет». Все это длится «15, 20, 50 лет»

Тяжелы будут «издержки революции»? О, да! Очень тяжелы. Но если их сравнить с теми ударами, которые нанесла человечеству мировая империалистическая война, то, ведь, все же это «две большие разницы». Мировая

война (первая) стоила человечеству 10 миллионов убитых и 20—30 миллионов раненых ¹⁾. Россия потеряла одними убитыми 2½ миллиона ²⁾. Представьте себе, пожалуйста, новый цикл мировой войны, на основе новых изобретений (газы, теле-бомбы, самоуправляющиеся аэропланы и прочие продукты человеческого гения). Что по сравнению с этим представляют из себя «издержки революции»? Нельзя быть страусом, хотя страус и хорошая птица, и хвост у него красивый. Без уничтожения власти капитала мы идем к гибели — вот что должно быть выжжено в каждом мыслящем мозгу. И ради спасения человечества мы должны идти на жертвы, которых требует революция.

Академик Павлов, изобразив не без яркости, как буржуазия будет, вместе с учеными, бороться против «материальной массы», как гражданская война «пройдет насквозь через всю нацию», как правящие круги обнаружат «последовательность действий» в деле подавления пролетариата и т. д., — кончает своим обычным припевом:

«Что же выходит? Опять для меня тупик, опять не могу понять, каким образом этот ужасный вопрос (о том), что будет дальше с человечеством — будет разрешен при помощи (!) этой 50-летней гражданской и международной войны».

А вот так же, как «при помощи» русской революции была спасена наша страна. Ni plus, ni moins.

Еще одно небольшое замечание. Академик Павлов, пбходя, утверждает, что «Россия разрушена на десятилетия». Откуда такое пророчество? Какими соображе-

¹⁾ «Jahrbuch für Politik-Wirtschaft-Arbeiterbewegung», 1922—23, S. 223.

²⁾ Подсчет Döring'a. См. «Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г.г.». Статистический Ежегодник под ред. проф. Фалькнера.

ниями, какими цифрами, какими объективными данными подтверждается этот пессимизм? А вот, по-нашему, С.С.С.Р через пять-шесть лет будет самым могущественным европейским государством. Так как академик Павлов не читает наших газет, то ему, конечно, приходится оперировать с данными, история которых «темна и непонятна». Все же в таких случаях не мешает заглядывать в кое-какие таблички. Американские сенаторы, французские ростовщики, купцы Великобритании — и то не страдают таким дальтонизмом, как академик Павлов. Почему? Потому, что они знакомятся с нашей жизнью по источникам, несколько более подходящим, чем квартира и физиологическая лаборатория. Блокада с нас снята, академик! И вам давно бы пора снять свою блокаду с наших газет, с «теперешней» нашей общественности. Та, старая, «беспристрастная», та, которая всегда против людской «материальной массы», — она умерла. И ее не воскресить никакими сомнениями и никакими lamentациями.

6. НАШЕ КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. ТУПИК АКАДЕМИКА ПАВЛОВА НОМЕР ЧЕТВЕРТЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ.

В своей брошюре я говорил о том, что рабочий класс не только спасет мир, не только построит фундамент новых хозяйственных отношений, но создаст и новые формы культурной работы, осуществит, претворит в жизнь новые культурные принципы. Речь шла о понимании связи любой научной дисциплины и любой идеологической отрасли с жизнью — с одной стороны, о преодолении анархии культурно-интеллектуального производства — с другой.

Академик Павлов заявляет, что эта проблема его «очень занимает». Он делает мне честь, признавая, что у меня здесь есть «много здравых вещей». Особенно нравится академику Павлову положение, что рабочий класс — «неуч по сравнению с буржуазией». Приведа эти слова, академик Павлов сейчас же открывает пальбу и заявляет, что он снова в тупике.

«Вот его (т.-е. Бухарина. *Н. Б.*) слова. А рядом с этим — мне совершенно непонятное: этот рабочий класс, который совершенно ничего не знает, каким-то образом павалит на свои плечи уничтожение анархии культурно-индивидуального производства. Но это — безвыходное противоречие. Эту анархию сможет устранить только тот, кто что-нибудь понимает в этой работе, а если человек ничего не знает, то как он будет эту анархию

устранять? Я опять в тупике, я опять ничего не понимаю...»

Последнее положение, к сожалению, совершенно верно, соответствует действительности и — позвольте ответить комплиментом на комплимент — является, как признание, вполне «здоровой вещью». Постарася объяснить и преодолеть эту, не вполне выгодную для академика Павлова действительность.

Популярно объяснять, значит — прежде всего — объяснять примерами. Так вот, мы и начнем с примеров.

Знал ли рабочий класс дело управления государством? Не знал. «Кухаркиных детей» держали подальше даже от школы. Был рабочий класс неучем по сравнению с буржуазией? Был. «Навалил» ли он на свои плечи управление государством? «Навалил». Все это признаёт и сам академик Павлов.

Позвольте! А где же ваше «безвыходное противоречие»? Как же случилось этaкое чудо, что неучи расколотили противника и крепко, точно молодые дубы, стоят на завоеванной земле? Разгадка простая, академик Павлов: не знали — узнали; не учились — обучились и научились; не умели, а потом сумели. Только и всего. Вот некоторые очень почтенные и уважаемые буржуазные умы утверждают даже, что у нас самое умное правительство. (См., например, рассуждения по этому поводу графа Keyserling'a.) Но оставим этот вопрос в стороне. Все же никто не станет оспаривать, что один факт нашей победы и нашего укрепления кое-что говорит и о руководстве нашего класса — не так ли?

Другой пример. Знал ли рабочий класс, как строить армию? Не знал. Офицерский корпус вербовался не из рабочих, как это хорошо известно и Павлову («тогдашние» газеты он, ведь, читал!), а главным образом, — из благородного дворянского сословия. Генералов из рабо-

чих тоже, как будто, было маловато — не так ли? Что касается неучей-революционеров, то им не приходилось командовать армиями. А вот поди ж ты! «Навалил» на себя рабочий класс такую обузу? «Навалил». И, представьте себе: армию построил, ею командовал, победоносно вел ее в бой и получил от противника признание полное, безоговорочное. (Рекомендуем академику Павлову прочитать отзывы белых генералов о красной армии — чтение весьма поучительное.) Опять таки, что за чудо? Ведь это — «безвыходное противоречие»? Конечно, противоречие, только с точки зрения заскорузлой, статической, чисто формальной, с позволения сказать, логики, которая — выражаясь гегельянски — не знает категории «становления». А загадка опять просто решается: научились, академик Павлов! И так научились, что к новым условиям войны оказались более приспособленными, чем Колчаки, Врангели, Юденичи и прочие не-неучи, которые, можно сказать, «собаку съели» на военном деле.

Третий пример. Управлял ли рабочий класс промышленными и торговыми единицами, банками, кооперативами и т. д.?

Нет. Был неучем. Много глупостей делал, когда за это дело взялся. А теперь уже подучился, стал на ноги. Продолжает учиться, но уже уверенно стоит на совершенно новой для него почве.

А теперь спросим себя: во всех этих областях внес рабочий класс что-либо свое, новое? Ясно, что внес: красная армия — далеко не то, что белая; советская система совсем не похожа на так называемое парламентское государство; наше хозяйство весьма далеко от частного хозяйства буржуазии. И т. д., и т. п.

Теперь интересно узнать, почему же культура снабжена таким «табу», что здесь «неучи» ничему не смогут научиться? Где попытка (хотя бы попытка)

доказать это? Увы, ни тени доказательства нет, если не считать за доказательство сердитые фразы и сердитые слова.

Сердится академик Павлов ужасно свирепо.

«Люди вообразили, — пишет он про нас, — что они, несмотря на заявление о своем невежестве, могут переделать все нынешнее образование».

Страсти-мордасти! Вот ужас-то, в самом деле! И переделаем таки, как нам нужно, обязательно переделаем! Так же переделаем, как переделали самих себя, как переделали государство, как переделали армию, как переделываем хозяйство, как переделали «расейскую»

Федорушку-Варварушку» в активную, волевою, быстро растущую, жадную до жизни народную массу, которая только теперь завоевала себе возможность настоящего развития.

По существу: возражает ли академик Павлов против того, что я называл в своем докладе принципами пролетарской культуры? Нет, не возражает. Признал ли он сам необходимость увязки между различными идеологическими областями («уничтожение анархии интеллектуального производства») и отчетливого сознания практической ценности научных конструкций и т. д.?

Как будто признал. Может ли буржуазия решить эти задачи? По-нашему, не может. Если бы нужны были здесь доказательства, мы могли бы привести их немало. Современная буржуазная наука, начиная от самой абстрактной и кончая самой «практической», вроде техники, тщетно бьется в поисках синтезов — и не находит таковых. То же и в области искусства. Со всех сторон жалобы, со всех сторон разговоры и причитанья о кризисе «духовной культуры», о «тупике» и проч. Разве это случайно? Выдающийся германский социолог Георг Зиммель пишет в одной из своих последних работ об

общем духовном кризисе, который, по Зиммелю, есть результат столкновения между «жизнью» и существующими формами жизни. Переводя эту философскую абстракцию на язык конкретного, получаем: буржуазный строй, с его производственной анархией и дробностью, которая еще более усилилась процессом распада его форм, не может уже решать синтетических задач. Вот почему его культура идет книзу. Вот почему рост культуры должен иметь своей исторической предпосылкой господство рабочего класса.

Но академику Павлову некогда заниматься такими высокими материями. Он берет исходной точкой для своей атаки нашу практику, обращаясь к нам — в нашем вольном переводе — примерно так: «Хорошо поёшь, где-то сядешь?». И оказывается, что «садимся»-то мы очень плохо, хотя и хорошо, быть может, «поем».

«Сейчас на что-нибудь дают огромные деньги, например, на Японию, в расчете на мировую революцию, а рядом с этим наша академическая лаборатория получает три рубля золотом в месяц... Надо разумно давать, понимать для того, чтобы делать, значение биологии, значение другого вопроса и т. д. Этого ничего нет».

И далее, еще более сердито:

«И что же, если эту самую науку будут третировать люди, которые сами признают, что они ничего в этой науке не знают, что из этого выйдет? Разве это не чрезвычайная опасность для науки?»

Тут нужно объясниться начистоту.

Прежде всего, откуда ээт академик Павлов узнал об «огромных деньгах» на «Японию»? Газет, ведь, он не читает. Что же, «знакомый рассказал»? Достойны ли такие приемы ученого объективиста? Хорошо ли это?

Далее. Мы, действительно, оказывали неоднократно помощь трудящимся разных стран. А они нам не оказывали такой помощи? Они нам не помогали бороться с интервенцией и блокадой? Не собирали крох во время ужасного голодного года? Не помогли, не заставили ряд государств признать нас, как великую державу? Нельзя же так близорук о подходить к вопросу. Нельзя не видеть больших вопросов, которые иногда решают в сё.

Академик Павлов, как и многие, впрочем, профессора, не видят этой большой, исторически необходимой стратегии рабочего класса: это — не их забота.

Когда идет борьба, то приходится часто жертвовать всем для целей этой непосредственной борьбы, хотя экономически это нерационально с точки зрения дня. Но если положительный исход борьбы есть необходимая предпосылка для всего остального, то выбора нет: нужно жертвовать всем.

С точки зрения статистической и с точки зрения рассуждений «вообще», бессмысленно, что мы на оборону тратили больше, чем на просвещение. Но это не бессмысленно с точки зрения всего нашего дела, которое опрокидывает старый *status quo*; это не бессмысленно с точки зрения истории. Для того, чтобы это понять, нужно иметь горизонты побольше, чем горизонты «квартиры и лаборатории», нужно выйти за пределы узкой специальности, нужно не замыкаться в четырех стенах, нужно постараться понять события в их взаимной обусловленности, в их движении и в их — как это ни трудно — всемирном масштабе...

Само собой разумеется, что все сказанное не есть оправдание частных ошибок, излишнего «битья посуды», конкретных и общих случаев неумелости и неопытности. Это — «издержки обучения», очень тяжелые, но временные. Не они решают дело. Академик Павлов ведет атаку

против всей системы и против руководства коммунистов, которые «ничего не знают в этой науке».

Что касается наших руководящих кругов, то — смею верить академика Павлова — они в биологии и физиологии понимают много больше, чем он в области общественных наук, и академик Павлов совершенно напрасно выступает со столь категорическими утверждениями. Но что весь наш класс еще очень мало культурен, это мы признаем. Тем не менее, и по отношению ко всему нашему классу нельзя выдвигать обвинения, будто он «третирует» науку. Для этого нужно было бы лишь почитать некоторые документы, вроде нашей партийной программы, ряда постановлений профсоюзов, органов Советской власти, разных конференций, рабочих совещаний и проч. Мы совершили и совершаем много ошибок, но линия нашей политики — совершенно правильна. Никакой опасности для науки нет: есть лишь опасность для тех якобы ученых предрассудков, которые поворачивают «людей ума и знания» против «материальной массы». Вот для этих вещей существует громадная опасность, и будет в высшей степени хорошо, если эта опасность для них превратится в их гибель.

А потом невредно проверять свои положения фактами — в этом мы совершенно согласны с академиком Павловым. Притом не отдельными фактами, выдранными из общего контекста, а итогами, по всем правилам «закона больших чисел». Что же, может академик Павлов утверждать, что культурная и научная кривая у нас за два последних года пошла вниз? Стоит только просмотреть цифры выходящих книг, журналов, специальных изданий и т. д., чтобы увидеть, как быстро мы растем.

Разве можно это отрицать? Где же опасность? Не есть ли это доказательство того, что и здесь мы уже

Кое-чему научились, что и здесь мы уже выходим из того «безвыходного противоречия», которым так пугал себя и нас академик Павлов? А, всдъ, он прямо заявлял, что наша политика «ведёт к уничтожению русской культуры» — ни больше, ни меньше. Академик Павлов думает, что коммунисты действуют исключительно по принципу: «Раззудись, плечо, размахнись, рука!» Не пора ли хоть теперь бросить это, мягко выражаясь, «неверное» представление?

Академика Павлова в высшей степени удручает факт классового приема в высшие учебные заведения. «Уровень образования чрезвычайно понизится, благодаря... непоследовательности (в) приобретении знаний». С другой стороны, «масса людей подготовленных... отстраняется от школы, им ставятся всякие затруднения».

Если оставить в стороне всякие «эксцессы» и обсудить основы нашей политики (классовый прием и т. д.), то нельзя вырывать эту проблему из всего контекста наших задач. Как развитие производительных сил нашей страны, так и развитие в ней интеллектуальной культуры, теоретически говоря, возможно в двух формах: буржуазной и пролетарской. Если бы рост кадрового состава (управляющего, руководящего, идейно «командующего» и т. д.) наворачивался по линии антипролетарской (что далеко не всегда предполагает сознательно антипролетарскую идеологию), то мы неизбежно сползли бы на «смено-веховских» тормозах к «идеальной» цели либеральной буржуазии: «здоровому» капитализму в экономике, так называемому «правовому государству» — в области политической надстройки. Но, ведь, у нас есть вполне достаточные основания для того, чтобы бороться с этими тенденциями вырождения. Само собой разумеется, что без ответа на этот кардинальный вопрос (социализм или капитализм) немь-

слимо понять и вопросы производного характера. Нет роста производительных сил «вообще», а есть рост производительных сил в совершенно определенных формах, в совершенно конкретной исторической скорлупе. То же и с интеллектуальной культурой. Мы уже писали, что отнюдь не хотели бы выступить в роли навоза для нового цикла капиталистического развития, который привел бы с неизбежностью к новой и новой катастрофе. Песня «про белого бычка» в «мировом масштабе», это — слишком трагическая песня. Мы твердо ведем политику на уничтожение и преодоление капиталистического строя. И именно поэтому вся логика, и формальная и диалектическая, на нашей стороне.

Ошибка академика Павлова состоит в том, что он обходит основной вопрос, — вопрос о социальной сущности того или другого общественного порядка. А обходить этот вопрос — нельзя, недопустимо.

Понятно, что с точки зрения «нейтральной» (на деле буржуазной), классовый прием из среды, вообще говоря, менее культурной и менее подготовленной, представляется нелепостью, и если оставаться в рамках такого аспекта, то коммунистов можно и в самом деле считать за буйных помешанных.

Но в том-то и дело, что наша политика основана на совершенно определенной предпосылке. Нам нужны такие кадры и постоянное воспроизводство таких кадровых элементов, которые вели бы пролетарскую политику на всех, пунктах трудовой шахматной доски, где им придется впоследствии разместиться. Гарантией такой политики является определенная социально-классовая прививка, т. е. социальное происхождение. Отсюда — «классовый прием». Мы, конечно, «проигрываем» временно с точки зрения квалификации, «независимой» от социальной оценки, но

зато мы имеем прочную гарантию того, что поезд пойдет по надежным рельсам и не съедет где-нибудь под откос. Что же здесь удивительного и непонятного? Что необъяснимого в том, что мы, начав социалистическую революцию, производим ее во всех областях, играющих существенную роль в процессе производства всей общественной жизни в его целом?

И опять таки: чтобы это понять, нужно, разумеется, понять внутреннюю логику этого процесса в целом. И наоборот, без предварительного понимания всего процесса, т.-е. той основной орбиты, по которой движется наша политика в целом, совершенно невозможно понять и такое частное мероприятие (связанное с совершенно своеобразными и специфическими «расходами»), как классовый прием в наши вузы.

К числу таких «расходов» нужно отнести и упоминаемое академиком Павловым понижение уровня квалифицированных работников, выпускаемых вузами. Вообще говоря, революция в первой своей фазе безусловно сопровождалась разрушениями и в этой сфере, сфере производства квалифицированных интеллектуальных сил. Теперь и здесь мы видим быстрый прогресс. Но нам важно отметить, что революция создала все же некоторые, совершенно неслыханные предпосылки для быстрого расцвета культурной жизни. Интенсивность культуры пала. Но экстенсивность ее колоссально возросла, несмотря на бывшую материальную разруху. Массовая психика стала гораздо более подвижной, гораздо менее косной; горизонты необычайно раздвинулись; воля закалилась; опыт обогатился в неизмеримой степени. Брошенная в широкие массы политическая, а затем и хозяйственная литература, сеть клубов, кружков и т. д.; методы массовой пропаганды и агитации; красная армия, пропускавшая через себя сотни тысяч и

миллионы людей, и т. д., и т. п. — все это в целом произвело громадный культурный сдвиг, результаты которого сказываются хотя бы на том перевороте, который произошел в языке нашего крестьянства, — наиболее массовой и наименее культурной силы нашего общества. Разве трудно сообразить, что эта громадная экстенсификация культуры есть величайшее культурное завоевание, плоды которого не преминут сказаться через некоторое время? Разве не понятно, что это есть фундамент небывалого культурного расцвета в будущем?

Здесь вполне уместно поставить один общий вопрос, который имеет и прямое отношение к разбираемой проблеме. Вообще говоря, способствует в наибольшей степени общественному развитию такой строй и такой порядок вещей, который, при данном уровне развития производительных сил, дает возможность культурного развития и культурного подбора максимальному числу людей. Чем шире это селекционное поле, тем лучше, при прочих равных условиях.

И вот здесь наша революция свершила поистине величайший переворот. Она еще не догнала довоенного уровня в нашем хозяйственном развитии, она еще не обеспечила довоенного *standard of life*; но она уже в огромной степени расширила селекционное поле, она в первые вовлекла широчайшие пролетарские и крестьянские массы в культурный оборот, давая возможность подбора не из «верхних десяти тысяч», а из «нижних» миллионов. Такие организации, как партия, профессиональные союзы, завкомы, клубы и проч., через которые направляется поток людей в наши высшие учебные заведения, суть не что иное, как громадная и неизвестная прежним временам школа, подбирающая людей из самой гущи жизни.

Это завоевание уже есть у нас: оно прочно, оно неоспоримо. И если на первых порах мы не будем иметь достаточно «полноценных» студентов, то эти недостаточно «полноценные» будут иметь одно несомненное преимущество над старым студенчеством: они будут всеми своими корнями связаны с жизнью, с практикой, с активным участием в общественном строительстве. Этой чертой могут быть недовольны ученые — «олимпийцы», до которых не доносится гул жизни. (Впрочем, олимпийцы всегда бывают туги на левое ухо.) Но это недовольство как раз и есть свидетельство их отсталости. Будущее принадлежит — это уже начинают понимать и в буржуазных кругах — не героям спекулятивной философии, спекуляция которых немногим лучше вульгарной и прозаической спекуляции рынка, а людям, которые связаны с практикой, у которых наука есть орудие этой практики, а не талмудическая похлебка или «летом сладкий лимонад». У рабочего же класса практика в крови. И тот синтез теории и практики, который дан был рабочим классом в общественных науках (т.-е. в теории обществоведения и в научной политике рабочего класса), будет, несомненно, шаг за шагом завоевывать одну область за другой. Этот процесс уже начался. Разве не повернут нашей государственной властью руль в сторону гегемонии материализма и решительной борьбы против фантастических привидений религии, идеалистической метафизики и тому подобных бердяевских «выделений»?

Что же, это — положительный или отрицательный факт, — эта гегемония опытной науки, материалистического мировоззрения, материалистического воспитания и обучения?

Такой поворот стоит очень многого. Конечно, праздношатающиеся болтуны «демократической», с позволения

сказать, «мысли» и по сему случаю не упускают толковать о диктаторской тирании и о насилии над всякими свободами. Но это — не что иное, как та же самая, до крайности пошлая, фетишистская и — позвольте сказать совершенно откровенно — с исторической точки зрения варварская мысль, как и мысль г-на Бердяева об «евхаристической питании». Люди думают, что это — чрезвычайно умно. А на самом деле, перед нами, несмотря на всю рафинированность авторов, — идеология, достойная каменного века, к которому сейчас не прочь апеллировать «беспристрастные» ученые буржуазии. Но как с этим совместить научные взгляды самого академика Павлова? That is the question.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Хотя мы не отличались и не отличаемся христианской добродетелью, но все же посылно старались помочь нашему оппоненту вылезать из его многочисленных тупиков и ям. Ибо этого требует от нас не категорический императив Канта и не заповеди христианской морали, а революционная целесообразность. Рабочий класс, вопреки академику Павлову, отнюдь не собирался и не собирается третировать *en sapaille* науки. Но он самым категорическим образом отмечает *quasi*-научное шарлатанство, которое теперь процветает на вымоченных кровью полях Европы, и в котором некоторые скорбные главою российские интеллигенты видят последнее слово божественного откровения. Рабочий класс прямо заинтересован в том, чтобы лучшие традиции науки — а лучшие традиции науки связаны с опытным исследованием, с материализмом, с борьбой против всякой метафизики, — чтобы эти лучшие традиции науки сплелись и слились в один поток с усилиями победоносного пролетариата и его учащейся молодежи. И поэтому мы взяли за ответ академику Павлову, этому выдающемуся представителю честной науки. С ним случился грех не только с точки зрения коммунизма, но и с точки зрения того самого объективного метода, который он так блестяще защищает, когда речь идет о слюнных железах, и который он так основательно позабывает, когда нужно анализировать события общественной жизни. Мы все время только и делали, что бросали академику

Павлову в ямы, куда он попадал, спасительную веревку объективного метода. «Веревка — вервие простое», но это «вервие» помогает вылезать из ям не только в области экспериментальной физиологии...

А вот, хоть изредка выходить из квартиры и лаборатории на свежий воздух — все же очень не помешало бы. Об этом, правда, Заратустра не говорит, но медицина это утверждает «с превеликим упорством» и, смеем думать, не без основания.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Вступление	3
1. Философия научной свободы и теория академика Павлова	6
2. «Беспристрастие науки», или академик Павлов против академика Павлова	13
3. О шансах мировой революции, или павловский тупик номер первый	23
4. Объективное значение революции и второй тупик мысли академика Павлова.	31
5. Ужасы гражданских войн или третий тупик академика Павлова	39
6. Наше культурное строительство. Тупик академика Павлова номер четвертый и последний	45
Заключение	58